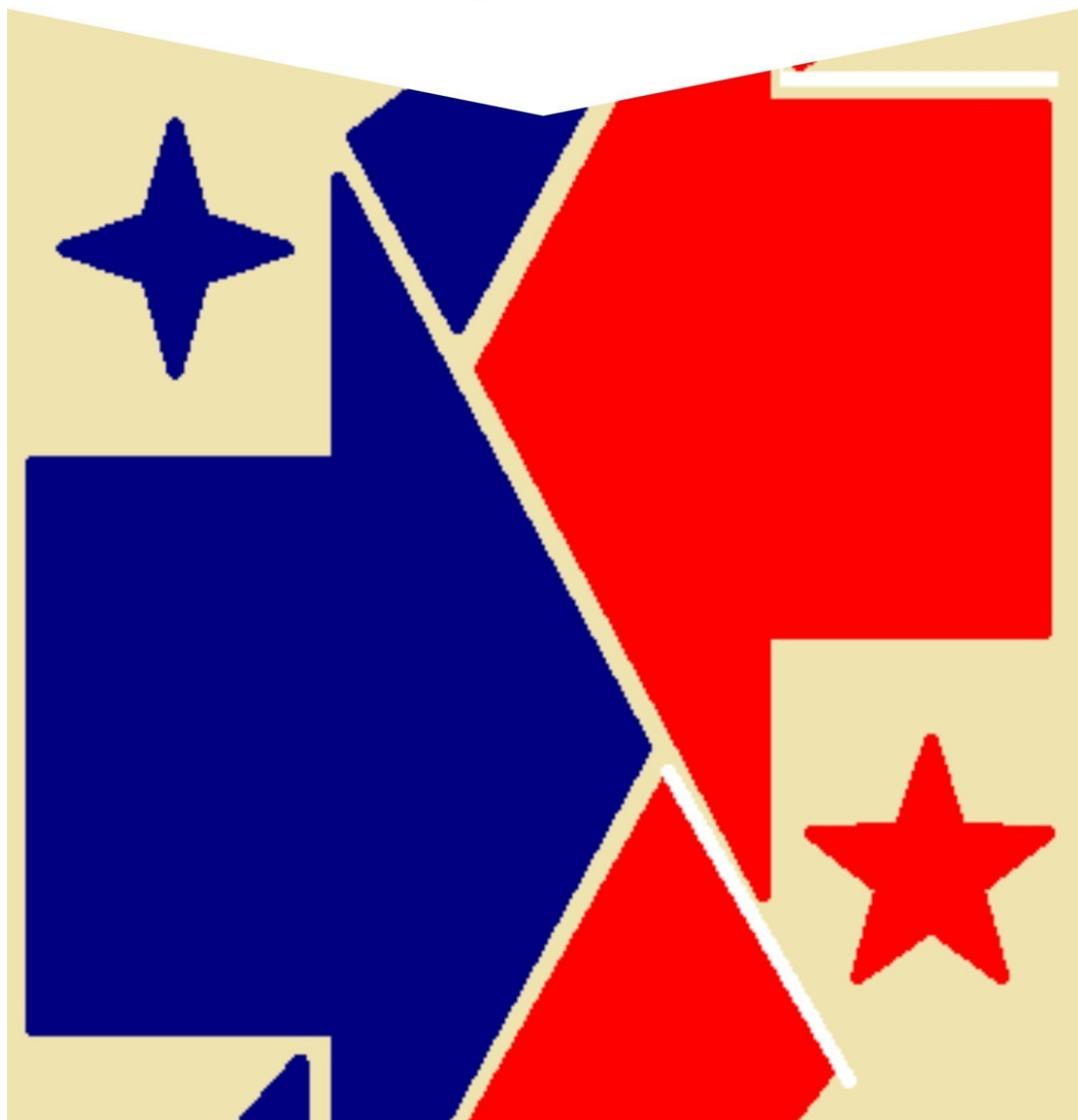

Дмитрий Верхотуров

Россия против НАТО

Анализ вероятной войны

Дмитрий Верхотуров

**Россия против НАТО:
Анализ вероятной войны**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Верхотуров Д. Н.

Россия против НАТО: Анализ вероятной войны /
Д. Н. Верхотуров — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Прогноз вероятной, возможной войны между Россией и военным блоком НАТО всегда привлекал внимание как вопрос судьбоносный.

В этой книге делается попытка составить максимально возможно всеобъемлющий прогноз начала, хода и итога такой войны, если она в самом деле начнется. Автор использует современное состояние армий вероятных противников и, отталкиваясь от обширного военно-исторического опыта, создает картину возможной войны в нескольких основных вариантах: от быстротечной демонстрации силы до затяжной и многолетней мировой войны. Внимание уделяется не только стратегии и тактике, но и военной экономике, политике, а также новшествам, которые могут появиться в ходе такой вероятной войны.

© Верхотуров Д. Н., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Предисловие	5
Неполноценность имеющихся прогнозов	6
Разбор заранее заданной ситуации	9
О войне прошлого и войне будущего	11
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	16
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дмитрий Верхотуров

Россия против НАТО:

Анализ вероятной войны

Предисловие

Будет ли война между Россией и НАТО? Этот вопрос волнует общественность, как российскую, так и других стран, в течение уже многих лет. Без особого труда можно найти десятки статей и публикаций, посвященных этой животрепещущей теме, в которых делаются попытки прогноза этого возможного вооруженного столкновения, пожалуй, наиболее вооруженных в мире стран. Прогнозы эти разные и предрекают разное. Некоторые – поражение России в течение чуть ли не часов, некоторые – почетную победу над НАТО, военные возможности которых уже не те, что в пору Холодной войны.

Разумеется, общественность хочет получить достаточно ясный ответ на вопрос: что будет, если...? Причина этого интереса лежит на поверхности и состоит в опасении, что такая война может затронуть всех и каждого. Мы же все же родом из СССР, в котором важную часть общественного мировоззрения составляло ожидание войны с противостоящим военно-политическим блоком, да и подготовка к ней. Войны, возможно, ядерной.

Впрочем, такие опасения есть не только в России. В Европе тоже об этом думают, и поеживаются, когда российские подводные лодки бороздят воды Балтийского моря, а российские самолеты приближаются к самолетам стран НАТО. В Европе тоже еще помнят, что бывает, когда появляется бесчисленная орда русских танков.

Неполноценность имеющихся прогнозов

Если высказано уже столь много прогнозов, то имеет ли смысл браться за эту тему и посвящать ей целую книгу? На мой взгляд, стоит по нескольким причинам.

Во-первых, опубликованные уже прогнозы носят на себе явный отпечаток односторонности. В них обычно анализируется какой-то один аспект возможной войны. Это или столкновение противостоящих войск на каком-то отдельном взятом ТВД. В последнее время появилось особенно много таких прогнозов, в том числе и проведенных в НАТО военных игр и командно-штабных учений, разрабатывающих вопросы столкновения России и НАТО в Прибалтике. Прогнозы эти для НАТО оказались неутешительными и показали, что Россия, скорее всего, одержит победу. Также анализируется применение ракетного оружия и действия системы противоракетной обороны НАТО; эти прогнозы обычно предрекают для России неудачу. Встречались прогнозы боевых действий авиации, применения высокоточного оружия, ну и конечно, многочисленные прогнозы на любимую военными экспертами тему: сравнение тактико-технических характеристик боевой техники.

С таким подходом нельзя согласиться, поскольку исторический опыт показывает, что в любой крупной войне присутствуют факторы политические, экономические, военно-хозяйственные, боевые действия между коалициями обычно ведутся сразу на нескольких ТВД. Иными словами, нужно разбирать ситуацию в целом, от причин возможного вооруженного конфликта до того, к чему все это может привести.

Но это сложная задача, требующая учета в анализе многочисленных фактов, тенденций и возможностей, опыта уже состоявшихся войн. Тем более, это сложно потому, что такой анализ поневоле исходит из отрывочной информации, доступной в открытых источниках, поскольку очень и очень многие сведения о состоянии армий, о планах и намерениях сторон строго засекречены. На сложность задачи указывает то, что мне не встречались попытки такого общего и разностороннего анализа. Возможно, что в разработках штабов и закрытых аналитических работах они есть, но общественности они не доступны.

Во-вторых, вокруг этого вероятного столкновения уже сейчас наплелось много мифов и предрассудков, которые сильно дезориентируют любого, кто пожелает в этой теме разобраться. Ничего удивительного, старой доброй пропагандистской войны и распространения дезинформации еще никто не отменял.

Например, в очень многих случаях систематически завышаются тактико-технические характеристики боевой техники, из чего делаются разные далеко идущие выводы, вроде того, что американские новейшие самолеты и высокоточное оружие настолько хороши, что уже сами по себе гарантируют легкую победу. Мол, F-22 и F-35 побьют «рус фанер» и на этом война закончится. Впрочем, россияне тоже не отстают в подобной же пропаганде. То же самое можно сказать и про новейшие танки, корабли, ракеты. Для такой пропаганды есть свои причины: это и стремление запугать вероятного противника, чтобы вынудить его к уступкам без войны, это также и стремление выставить свою боевую технику в самом лучшем свете. Война войной, а торговля оружием идет своим чередом. Конечно, ради более или менее объективного анализа, с подобными мифами и предрассудками придется расстаться.

В-третьих, в опубликованных прогнозах в основном доминирует пристрастность и страстное желание доказать неизбежность победы той или другой стороны. Потому подобные пристрастные прогнозы обычно акцентируют внимание на сильных сторонах и в упор не желают видеть слабые стороны той или иной военной машины.

Но это хорошо, если это, так сказать, пристрастность преувеличения военных возможностей. Часть встречаются образчики того, что пристрастный автор вообще отказывается своему вероятному противнику в каких-либо сильных сторонах, в способности принимать

рациональные решения и использовать эффективную тактику. Просто потому, что противник этот вероятный настолько мерзкий, жалкий и убогий, что его просто не могут сокрушить какие-нибудь «силы добра».

Несколько обезличенное обозначение такой позиции означает, что подобные образчики «мысли» встречаются как со стороны НАТО, так и со стороны России. Различается только риторика и терминология, а в целом – полное единодушие: наша армия сильнее всех, а враг способен только на трусливое бегство.

Можно привести конкретный пример такого предвзятого подхода. В мае 2015 года я опубликовал свой прогноз вероятной Второй Корейской войны, то есть вооруженного столкновения между КНДР и Южной Кореей. В изученных перед написание статьи материалах была немало позабавившая меня публикация полковника Армии США Дэвида Хэкуорта в журнале *Soldier of Fortune*, в которой он живописал как «Апачи» будут жечь один за другим северокорейские танки. Душещипательно! Правда, в этой картине явно не хватало достоверности. В южнокорейской армии ни одного ударного вертолета АН-64 «Апач» не было, а американцы имели в Корее три эскадрильи этих вертолетов, по 18 машин в каждой, то есть в сумме 54 вертолета. Две эскадрильи были переброшены из Кореи в Ирак и Афганистан, и в 2012 году командующий американским контингентом генерал Джеймс Турман требовал вернуть их обратно, но вроде бы не получил. 18 ударных вертолетов маловато, чтобы сжечь 3500 северокорейских танков, из которых большая часть могла быть брошена в наступление, не говоря уже о том, что у северокорейской армии хорошая и многочисленная ствольная зенитная артиллерия, весьма опасный противник для вертолетов. В реальном сражении вряд ли «Апачи» окажут существенное влияние на наступление такой танковой орды, тактически грамотного и прикрытого зенитной артиллерией.

В общем, хотя общий анализ возможностей противостоящих армий, с учетом наиболее вероятной тактики и особенностей ТВД, показал, что КНДР имеет определенное военное преимущество и имеет шансы одержать победу, тем не менее, нашлось немало людей, которые запальчиво меня убеждали в обратном, что будто бы северокорейцы будут легко и полностью разбиты «армией добра», потому что новейшие танки, самолеты, высокоточное оружие и огромный военный бюджет...

Подобная пристрастность процветает и в теме возможной войны между Россией и НАТО, кабы еще не в более махровом цвете. А пристрастность ведет к тому, что любые выкладки неизбежно становятся односторонними, однобокими, утрачивают свой прогностический потенциал, да и вообще становятся мало интересными. На таком одностороннем и предвзятом подходе, на вполне сознательном отказе от анализа всех, ну или хотя бы основных и решающих факторов, хорошего и полезного прогноза возможной войны не построить. Нужен другой подход, который я и постараюсь применить в полной мере во всем последующем изложении вопроса.

Вообще, не много ли автор на себя берет? Такой вопрос не может не вставать. Ведь аналитические разработки на тему возможных войн обычно проводятся штабами, мощными аналитическими структурами, в которых полно самых компетентных аналитиков, в числе и с большими звездами на погонах, всю жизнь прослужившими в армии. Автор же вроде бы не имеет ни военного образования, ни опыта службы, но пытается решить сложный вопрос в одиночку. Да, это сложная задача. Однако же, это сильный вызов интересной проблемы, позволяющий испытать возможности своего ума. Это, так сказать, личные причины того, почему я берусь за эту тему.

Некоторый опыт у меня тоже есть, связанный с анализом начала и хода Второй мировой войны, в особенности военно-хозяйственной стороны вооруженного конфликта, обычно в существующих прогнозах не учитываемой. Результаты этого анализа изложены в моих предыдущих книгах. Этот опыт составляет главный фундамент моего анализа избранной

темы. Впрочем, я понимаю, что возможно появится множество несогласных с моей позицией и выводами, потому я приглашаю всех желающих подискутировать, не обещая, впрочем, брать в плен.

Разбор заранее заданной ситуации

Рассуждая о возможной войне, нельзя обойти вниманием политическую и моральную сторону дела. Вообще-то, призывать к войне – аморально. Худой мир лучше доброй ссоры. Справедливость этой пословицы много раз подтверждалась на практике. Но все же, даже если мыслить в категориях политического реализма, тем не менее война – это последний способ разрешения конфликтов и противоречий, не поддающихся решению дипломатическими или политическими мерами. Когда слова не действуют, то берутся за оружие.

Метод этот последний вот еще в каком смысле, он наиболее рискованный по сравнению со всеми другими методами разрешения политических споров. Это так хотя бы потому, что любая война несет в себе довольно сильный элемент непредсказуемости. Какие бы планы и прогнозы не составлялись, даже если они полностью объективны, все равно нельзя учесть всех случайных обстоятельств, возникающих по ходу боевых действий и оказывающих влияние на ее итоги. Это справедливо даже для локальных конфликтов, и тем более – для большой войны между военными блоками. Как оно повернется, точно сказать трудно. Этот фактор существует и в прогнозе вероятной войны между Россией и НАТО, и этот фактор китайский. Трудно ведь сказать, на какую чашку весов бросит свою военную и экономическую мощь Китай. Даже если китайское руководство не пойдет на это и сохранит нейтралитет, не участвуя в войне, то сторона, добившаяся военной победы, особенно в долгой и изнурительной войне, может потом впасть в зависимость от Китая. К тому же, китайский фактор заставляет выходить далеко за рамки анализа возможного столкновения России и НАТО, по сути дела, это означает анализ вероятности мировой войны.

Любая война испытывает общество и политическую власть на прочность, требует колоссальных расходов и напряжения экономики, оказывает сильное воздействие на общество. Общество после войны не похоже на общество довоенное. Всегда существует вероятность «пирровой победы», то есть достижения военной победы столь высокой ценой, что она обесмысливает достигнутый результат.

Так что, если есть возможность не начинать войну, то лучше ее не начинать. В этом смысле прогноз вероятной войны может быть средством обеспечения мира, особенно если он показывает, что эта самая вероятная война не может обеспечить достижения намеченных политических целей либо для одной из сторон, либо для обеих сторон. Таким образом, есть смысл в том, чтобы использовать этот шанс для предотвращения большой войны. Возможно, что политическое руководство военных блоков прислушается к аргументации и найдет невоенные способы разрешения своих противоречий.

То же самое касается и определения войны как «оборонительной» или «захватнической». С точки зрения чистой военной стратегии это довольно условные понятия, обозначающие лишь цели войны и то, какой стороне удалось реализовать оперативно-тактические преимущества первого удара. С политической и с международно-правовой точки зрения разница между войной оборонительной и войной агрессивной, захватнической – огромная. Если первая одобряется, и в документах ООН даже содержится призыв к тому, чтобы помочь защищающейся стороне, то вторая – однозначно осуждается, подготовка и начало такой войны считается преступлением. Хотя нерушимость этого принципа в последние годы подверглась определенной эрозии, тем не менее, такой подход все еще существует как международно-правовая норма.

Потому, поскольку будут рассматриваться разные варианты вероятного развития событий, нужно сразу сказать, что варианты возможного вооруженного конфликта рассматриваются преимущественно с точки зрения военной стратегии. Политические моменты привле-

каются тогда, когда они могут существенно оказать влияние на ход боевых действий и всей войны в целом.

Вообще, заранее сказать, какая сторона будет наступающей, а какая обороняющейся в начале войны, довольно трудно. Предвоенный период всегда отличается сложным характером, напряженностью, динамичным обострением обстановки. На выбор: нападать или обороняться, влияет множество факторов, которые могут сложиться самым прихотливым образом. Да и не всегда бывает ситуация полной ясности, кто первым выстрелил, вроде того, что Германия ранним утром 22 июня 1941 года напала на СССР. К примеру, по поводу начала Корейской войны 1950–1953 годов и кто тогда стрелял первым, до сих пор идут споры и существуют диаметрально противоположные точки зрения. Потом, уже в ходе войны и после нее, свершившийся факт нападения одной из сторон активно используется для нужд политики и блокостроительства.

По этой причине придется тему того, чья война справедливая и оборонительная, а чья – захватническая и агрессивная, вывести за пределы рассматриваемого вопроса. Мы рассматриваем заданную выбранной темой ситуацию, когда обе стороны в вероятной войне уже отбросили моральные и международно-правовые соображения в сторону, изготовились и начали вооруженный конфликт. В противном случае мы рискуем утонуть в словопрениях, мало что добавляющих к анализу.

Конечно же, я понимаю, что есть сильный соблазн заранее расставить все точки над «ё», заранее заклеить и пригвоздить к столбу позора НАТО, тем более если учитывать, что книга пишется в России. Возможно, что часть читателей ждет именно этого. Но я отказался от такого подхода, потому что это одна из разновидностей предвзятости, о которой немного было сказано выше. Это не может не повлиять негативным образом на анализ и его результаты. И вообще, не стоит предаваться упрощениям, поскольку столь масштабное событие, как вероятная война между Россией и НАТО, если и будет, то будет куда более сложным и неоднозначным процессом, чем можно себе представить на первый взгляд.

О войне прошлого и войне будущего

Часто говорят: «Генералы готовятся к прошедшей войне». Причем эта избитая фраза обычно произносится с таким оттенком высокомерной снисходительности и с претензией на знание военных новаций и способность представить себе войну будущего.

Между тем, произносящий эту фразу расписывается в непонимании азов оперативно-тактического искусства, в том, что он не поднялся выше тех любителей, которые запальчиво спорят о толщине брони или калибре пушек на многочисленных форумах в Интернете. Военные не зря изучают прошедшие войны и уделяют на это достаточно много сил и времени. Это позволяет понять наиболее вероятную тактику, к которой может прибегнуть противник в вероятной войне. От этого уже можно сделать шаг к предсказанию (со всеми полагающимися в этом деле допущениями и погрешностями) образа его оперативно-тактических действий и оценить возможность реализации некоторого намеченного вероятным противником стратегического замысла, в том числе и в контексте действий своих сил.

Дело в том, что тактика применения основных видов вооружений сухопутных войск, авиации и флота в основном сложилась во Второй мировой войне или сразу после нее. Например, тактика действий танковых соединений, танковых прорывов практически не менялась с тех славных пор. Танковый командир времен Великой Отечественной войны, скажем, командир 5-й танковой армии, Маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров без особого труда повел бы современную танковую армию в бой. С оперативно-тактической точки зрения разница в характеристиках между Т-34 и Т-90 не столь велика, как может показаться на первый взгляд.

То же самое можно сказать обо всех остальных разделах оперативно-тактического искусства. Тактика боевых действий реактивной истребительной авиации в основном сложилась в Корейскую и Вьетнамскую войны. Тактика аэромобильных сил (в США) и десантно-штурмовых групп (в СССР и в России) сложилась во Вьетнамскую и Афганскую войны. Это, пожалуй, самые свежие по времени возникновения разделы тактики. Остальное: действия моторизованной и морской пехоты, артиллерии, штурмовой авиации, флотов – все это до сих пор основывается на опыте Второй мировой войны, с некоторыми поправками на изменившиеся характеристики боевой техники и особенности новых театров военных действий.

Потому это не генералы такие тупые, что всегда «готовятся к прошедшей войне». Недалекие люди – это те, кто с пафосом произносит эту фразу, имеют крайне поверхностные познания в военном деле. Для рассмотрения темы вероятного столкновения России и НАТО изучение прошедших войн имеет особенное значение и исключительную важность. Это единственный способ провести сколько-нибудь стоящий анализ, не имея по совершенно очевидным причинам доступа к секретной информации.

Нам, конечно, никто не скажет и не покажет того, что характеризует боевые возможности противостоящих войск: численность и боевой состав, степень боеготовности, дислокацию, районы сосредоточения, направления вероятных ударов и тому подобные сведения, которые кладутся в основу любого плана войны. Это все строго секретная информация. Кое-что, конечно, сообщается общественности, но без подробностей, с умолчаниями и без гарантий достоверности представленной информации. Мы будем использовать и эти сведения, за неимением лучшего варианта, но нам придется анализировать возможный ход боевых действий так, как если бы мы сами планировали войну. И в этом деле опыт прошедших войн, особенно Второй мировой войны, для нас является путеводной нитью в этом лабиринте из

секретов и военной тайны. Потому мы будем предаваться, условно говоря, «подготовке к прошедшей войне», пожалуй, даже побольше, чем это обычно делают генералы.

Раз так, то надо сразу уточнить, что состав вооружения армий принимается в целом таким, каким он сложился к настоящему моменту и в обозримом будущем не особо сильно изменится. Потому вносить в прогноз всякого рода «оружие на новых физических принципах», «климатическое оружие», гиперзвуковые ракеты, лазерные фрегаты и тому подобное для нас не имеет особого смысла. То, что еще не вышло из лаборатории и не принято военными на вооружение в достойном упоминания количестве, в нашей вероятной войне не участвует.

Поскольку исторический опыт говорит за то, что в ходе большой войны технический прогресс и обновление вооружений резко ускоряется, то в завершении будет представлен обзор тех технических новшеств, которые могут существенно изменить образ и облик войны. Но это уже совсем другой прогноз, еще более гипотетичный, вероятность которого оценить очень трудно.

Итак, наша тема – это вероятная война между Россией и НАТО, ее возможный ход и результаты. Все, что будет сказано ниже, нельзя воспринимать ни как призывы к войне, ни как попытку пророчествовать о некоем неизбежном будущем. Все, сказанное ниже, это логический эксперимент, ни на что большее не претендующий. На это также указывает отсутствие ссылочного аппарата. Все приведенные ниже цифры и данные взяты из открытых источников.

Автор

Апрель 2016 – Сентябрь 2017 года

Часть первая

Если враг нападет...

Глава первая

Операция «Возрождение свободы»

План войны командованием НАТО был составлен с опорой на успешный опыт кампании в Ираке в 2003 году. Он предусматривал на первом этапе подавление систем ПВО, авиации, а также узлов связи массированным ударом высокоточным оружием и воздушным наступлением. Эта задача была весьма сложной, поскольку противник обладал солидными ВВС и весьма хорошо развитой системой ПВО, использующей ЗРК С-300 и более новые системы. В зоне главного удара насчитывалось 27 дивизионов С-300, всего до 324 пусковых установок, и 2 дивизиона еще более современных С-400, до 24 пусковых установок. Авиация насчитывала 90 истребителей-бомбардировщиков, 200 истребителей и 80 ударных вертолетов.

Такой воздушной мощи противника в Ираке не было, но в целом задача выглядела выполнимой, хотя и требовала напряжения сил. На расчистку неба отводилось трое суток. Основную работу на направлении главного удара должна была проделать группировка наземного базирования – около 600 самолетов, разделенных на две части. Одна из них, насчитывающая около 400 самолетов, должна была действовать с территории Прибалтики, а другая, около 200 самолетов, с территории Украины.

Авианосцы сосредоточивались в Баренцевом море и должны были разгромить Северный флот, на что выделялось две авианосные ударные группировки – 160 самолетов, а вместе с самолетами, базирующимися на других надводных кораблях, воздушная группировка достигала 200 машин. В Балтийское море, на котором морские силы противника были относительно слабы, вводилась еще одна авианосная ударная группа, имевшая около 100 самолетов, которая должна была поддержать воздушную группировку наземного базирования. Это было необходимо потому, что по предварительным подсчетам, ПВО и ВВС противника могли уничтожить до 30 % состава воздушной группировки наземного базирования.

По истечении трех суток интенсивных воздушных ударов, должна была начаться наземная фаза операции, которая должна была решить исход войны. Начало наземной операции было запланировано на 22 часов 31 июля с постановкой задачи в течение последующих 12–18 часов обеспечить прорыв на глубину 80–100 км. Как и в Иракской кампании, ставка делалась на стремительный рывок механизированных соединений вглубь территории двумя сходящимися ударами. Главный удар наносился из Латвии, вдоль автомагистрали М-9 Рига – Москва, на котором должны были действовать следующие силы. 5-й армейский корпус США в составе 1-й бронетанковой дивизии и 1-й бронекавалерийской дивизии, в которых в сумме было пять бронетанковых бригад, одна бригада БМП и две авиационных бригады, оснащенной вертолетами. Всего около 30 тысяч человек, 435 танков «Абрамс», 450 БМП «Брэдли» и другая боевая техника, а также 96 ударных вертолетов АН-64 «Апач». Ему содействовали британская бригада: 2700 человек и 56 танков «Челленджер-2», а также немецко-датский армейский корпус: 26 тысяч человек, 250 танков «Леопард 2» и другая боевая техника.

Эта группировка войск, условно «западная» общей численностью около 60 тысяч человек и 740 танков, должна совершить рывок на восток, вдоль автомагистрали М-9 на Москву, разгромить своего главного противника 1-ю танковую армию, обеспечить захват крупных аэродромов к западу и северу от Москвы, а также, при благоприятных условиях, осуще-

ствить штурм и захват города. Если же ситуация будет не слишком благоприятной и будет вероятность уличных боев, то эта группировка должна совершить охват столицы и соединиться с группировкой, действующей с южного направления.

С территории Украины должен действовать 7-й армейский корпус США, в составе 1-й моторизованной дивизии, в которой две бронетанковые бригады и одна авиационная бригада: около 12 тысяч человек, 174 танка «Абрамс», 48 ударных вертолетов «Апач», а также силы усиления из состава 18-го воздушно-десантного корпуса. Вместе с ним действует испанский армейский корпус численностью 20 тысяч человек, 200 танков «Леопард 2» и другая техника. В задачу этой группировки, условно «южной», численностью 32 тысячи человек и 374 танков входит выход на автомагистраль М-2, разгромить части 20-й армии, а также содействовать «западной» группировке в захвате Москвы.

Остальные соединения НАТО распределяются следующим образом. На севере «Еврокорпус» НАТО с частями Корпуса морской пехоты США должен блокировать 6-ю армию в районе Санкт-Петербурга, захватить порт Усть-Луга и использовать его в качестве порта снабжения, а также, при благоприятных условиях, перерезать автомагистраль М-10 Москва – Санкт-Петербург.

Армейский корпус НАТО, польский и итальянский армейские корпуса должны с трех сторон навалиться на армию Беларуси из Литвы, Польши и Украины, и разгромить ее, имея главной целью захват Минска и открытие для движения автомагистрали М-1 Москва-Минск-Варшава. При благоприятных условиях, эти силы должны после выполнения основной задачи содействовать «западной» группировке в захвате Москвы.

На юге Украины турецкий армейский корпус, вместе с частями усиления и 173-й воздушно-десантной бригадой США, вместе с силами флота, должен захватить Крым, а затем содействовать украинской армии в захвате ДНР и ЛНР на востоке Украины, а также блокировать части 49-й армии на Тамани.

На выполнение этой наземной фазы войны отводится 20–25 суток, в ходе которых должны быть разгромлены основные силы российской и белорусской армий, захвачена Москва, в которой должно быть утверждено новое, демократическое правительство России, которое заблаговременно будет сформировано в Риге в качестве признанного мировым сообществом. Оно объявит о прекращении войны, а в дальнейшем силы НАТО должны будут обеспечить разоружение оставшихся частей и соединений российской армии, взятие стратегических ядерных вооружений под контроль НАТО, а также будут содействовать поддержанию порядка, демократических институтов и обучать новую российскую армию.

В рамках этого плана войны предполагалось, что противник будет оказывать сопротивление только в течение первых 10–15 суток наземной фазы операции, не имея централизованного управления, но после успешного продвижения к Москве и разгрома наиболее боеспособных соединений, сопротивление станет очаговым и неэффективным, и уже не будет особо мешать выполнению основных задач военной операции, получившей кодовое название «Возрождение свободы».

Хотя, несмотря на превосходство в авиации и высокоточном оружии, тем не менее командование НАТО полагало, что бои могут принимать ожесточенный характер, и потери убитыми и ранеными могут достигать 10–15 % численности выделенных группировок войск. Потому было решено перед началом военной операции начать формирование дополнительных корпусов, которые должны будут сменить соединения, участвовавшие в боевых действиях.

Вопрос о применении ядерного оружия вызвал дискуссию (часть высших офицеров требовала нанесения тактических ядерных ударов по авиабазам противника в самом начале войны), в ходе которой была выработана позиция, что нанесение даже тактических ядерных ударов может проводиться только в случае крайней необходимости, например, в случае

упорного сопротивления каких-либо частей противника, ради минимизации потерь войск НАТО в наземной фазе операции. Подавление ядерных сил противника предполагалось осуществить на стадии воздушного наступления, путем поражения высокоточным оружием командных пунктов и узлов связи, управляющих стратегическими ядерными силами, а также развертыванием всех имеющихся средств ПРО и ПВО.

Особое внимание уделялось психологическим операциям, поскольку даже при столь скоротечной военной кампании у противника все равно оставалась возможность переброски дополнительных сил с Урала, Сибири и Дальнего Востока на европейский ТВД, а также возможность начать мобилизацию резервистов и добровольцев. Психологические операции ставили целью дезорганизацию военного командования для недопущения переброски войск, а также срыв мобилизации.

Определенное беспокойство у командования НАТО вызывала возможность мобилизации добровольцев, которые при содействии военного командования и местных властей могли довольно быстро создать значительные по численности формирования. Внимательно изучался опыт войны на востоке Украины, закономерности возникновения этих добровольческих формирований и их идеологические представления. Было принято решение в психологических операциях против добровольческих отрядов использовать тезис о том, что НАТО стремится к созданию демократического русского государства, основанного на европейских и демократических ценностях, и убеждать их отказываться от участия в вооруженном сопротивлении войскам НАТО.

Также в психологических операциях внимание уделялось союзникам России по ОДКБ. Дипломатическими мерами и информационным воздействием предполагалось убедить руководство этих государств отказаться от участия в войне на стороне России.

Итак, план операции «Возрождение свободы», хотя и требовал значительно большего напряжения сил и обещал более высокие потери авиации и наземных сил, чем в Ираке, тем не менее, выглядел вполне реализуемым в отведенные для него сроки.

Глава вторая

Почему именно такой план?

Все, сказанное в первой главе, это, конечно, не план, добытый разведкой в недрах штабов НАТО, а, так скажем, его логическое конструирование, исходя из опыта войны в Ираке, наступательных возможностей войск НАТО и особенностей ТВД в Европейской части России. Он не претендует на точное предсказание того, как будет действовать НАТО в возможной войне против России, но на мой взгляд именно такой план представляется наиболее вероятным. Теперь надо пояснить, почему был избран именно такой вариант вероятного плана военной операции НАТО против России.

Первое. Сочетание массированных ударов высокоточным оружием и массированное воздушное наступление – это визитная карточка НАТО во всех войнах, которые этот военный блок провел за последние 25 лет, начиная с операции «Буря в пустыне», да и не только их. Аналогичным образом войска США действовали в Корее и во Вьетнаме. Первым делом командование НАТО старалось выбить авиацию и системы ПВО противника, чтобы получить господство в воздухе, и чтобы наземная операция имела полную авиационную поддержку. Это аксиома проведения масштабных военных операций еще со времен Второй мировой войны, которая самым наглядным образом показала, что массированная воздушная поддержка механизированных, в первую очередь, танковых войск, является одним из главных условий успеха на поле боя.

Для войны с Россией начать войну с воздушного наступления тем более необходимо, что российская армия обладает солидными воздушными силами и ПВО, с которой армии НАТО еще не встречались в сражении. Если не выбить их в самом начале войны, то весьма высока вероятность, что наземные силы НАТО получат очень ощутимый удар с воздуха еще до столкновения с основными наземными силами России. Это чревато, как минимум, сильным замедлением продвижения танковых бригад, а вообще же может привести к их разгрому, что приведет к перелому в ходе войны в пользу России.

Ради выполнения этой важнейшей задачи командование НАТО вполне может пойти на весьма высокие потери в авиации, чтобы добиться победы в воздухе и расчистить небо над ТВД. Если эта задача подавления российских ВВС и ПВО ценой потери 30 % или даже 50 % парка самолетов, будет выполнена, то остальную работу по воздушной поддержке смогут выполнить авиационные бригады, включенные в состав дивизий и армейских корпусов, в основном боевыми вертолетами.

Второе. Ставка на механизированные соединения также диктуется опытом войны в Ираке, да и общими соображениями по части военной стратегии, что противника, обладающего крупными наземными войсками, в том числе собственными танковыми бригадами, оснащенными достаточно современными танками Т-72Б и Т-90, невозможно разгромить одними ударами с воздуха. Только глубокий прорыв механизированных соединений может потрясти противника и сломить его сопротивление. Для этого танковые бригады НАТО должны поддерживать максимально высокий темп наступления, для чего они должны избегать ввязываться в позиционные или уличные бои, а обходить города на пути продвижения, таким же образом, как это делалось в Ираке.

Третье. В силу того значения, какое несомненно будет иметь быстрое продвижение механизированных соединений НАТО, боевые действия неизбежно будут привязаны к дорогам, главным образом к основным автомобильным магистралям, сразу по нескольким причинам. Во-первых, сами по себе магистральные автодороги на выбранных направлениях главных ударов имеют достаточную пропускную способность, чтобы обеспечить быстрое продвижение крупных механизированных соединений. Во-вторых, они обеспечивают бла-

гоприятные условия для широкого использования колесной боевой техники, которой много в армии США и других армиях НАТО. Потому вполне ожидаемо, что колесные боевые машины, в том числе с тяжелым вооружением, будут идти на 10–15 км впереди танков, осуществляя разведку и сбивая заслоны, если они будут встречаться. Если на пути окажется хорошо укрепленная оборонительная позиция, то она атакуется ударными вертолетами и беспилотниками, а потом огнем танков и САУ. Но в общем, командование НАТО, вероятно, ожидает, что на главных направлениях подобных серьезных препятствий им не встретится. В-третьих, магистральные автодороги имеют капитальные мосты достаточной грузоподъемности, чтобы через них могли проследовать танки, которые у НАТО более тяжелые, чем российские («Абрамс» имеет вес 63 тонны против 46,5 тонн у Т-90А). Потому захват мостов будет одной из приоритетных задач. В-четвертых, по мере приближения к Москве, который представляет собой крупный автодорожный узел с многочисленными магистральными шоссе и кольцевыми автодорогами, условия для применения механизированных соединений только улучшаются, появляется возможность маневра, обхода узлов сопротивления.

Надо указать, что подвижность механизированных соединений НАТО весьма высока. «Абрамс» имеет запас хода по шоссе 425 км и может двигаться со скоростью 67 км/час. То есть расстояние от Резекне до Москвы, 630 км, он может преодолеть без остановок всего за 10 часов с одной дозаправкой. Это, конечно, идеальные условия. Но даже с учетом остановок, задержек и боевых действий, прохождение этого маршрута за 3–4 суток представляется вполне реалистичным, если сопротивление будет слабым или будет отсутствовать.

Четвертое. Почему именно Москва? План войны с главной целью захвата Москвы может вызвать некоторые возражения и вопросы. Однако, если мы посмотрим на военные операции, которые проводило НАТО, то мы увидим, что в их военном планировании первое место занимало решение политических задач. НАТО почти всегда вело войну за свержение политической власти противника, и потому захват столицы был в этом смысле приоритетной целью. Это хорошо видно во время операции в Ираке в 2003 году, когда наземные силы НАТО рвались к Багдаду, который располагался в 400–450 км от исходного района. Взятие столицы по мнению командования НАТО ведет к падению правительства и к победе в войне. В этом военная стратегия НАТО коренным образом отличается от военной стратегии России, всегда делавшей и делающей ставку на разгром вооруженных сил противника.

Остальные задачи, как хорошо видно по опыту войны в Ираке, командованием НАТО рассматриваются как второстепенные и служащие достижению главной цели. Потому, скорее всего, командование НАТО будет исходить из того, что остальные крупные соединения российских войск, дислоцированные вдалеке от Москвы, нужно будет блокировать, оттеснить в сторону, не допустив их подхода на помощь столичному гарнизону. Мол, если правительство падет, то и армия тут же разбежится и бросит оружие.

Наконец, пятое. Почему начало наземной операции предполагается именно в 22 часов 31 июля, а не традиционное нападение на рассвете в любую другую дату? Да, долгое время для реализации преимущества первого удара наступающие войска выбирали утренние часы. Это имело свое обоснование: утренние часы – это время, когда человека в наибольшей степени клонит в сон, и потому противника, не ожидающего нападения можно захватить спящим или полусонным, когда солдаты и офицеры не в состоянии действовать с полной отдачей. Далее, наступление в утренние часы позволяло использовать всю продолжительность светового дня и развить успех первой атаки. Так было и во время войны в Ираке.

Однако, после нее армия США и армии НАТО стали в больших количествах закупать и устанавливать на боевую технику ночные приборы: приборы ночного видения и особенно тепловизоры. К 2012 году только армия США закупила более 14 тысяч тепловизоров, и судя по всему, вся авиация ими уже оснащена полностью. Тепловизор дает решающее тактическое преимущество именно в ночное время, когда воздух и ландшафт существенно охлажда-

ются, и на их фоне любые горячие объекты, будь то люди, техника или каменные строения, видны наиболее отчетливо. Далее, на широте Москвы заход солнца 31 июля происходит в 20.40, окончание сумерек в 21.28. К 22 часам устанавливается темнота. Начало следующих сумерек – 03.45, а восход солнца – 04.33. Таким образом, имеется 5 часов 45 минут ночного времени (для сравнения – 22 июня ночное время составляет всего 4 часа 23 минуты, при том, что полной темноты не наступает), когда можно использовать приборы ночного видения и тепловизоры, а последующий световой день длится 16 часов (тепловизоры также весьма эффективны и днем). Таким образом, ночное время представляется наиболее благоприятным для стремительного рывка.

Почему именно конец июля? Дело в том, что в этот сезон световой день сокращается. К 25 августу продолжительность светового дня сократится до 14 часов 25 минут, то есть более чем на 1,5 часа, что только увеличивает время, наиболее благоприятное для использования ночных приборов. К тому же, в августе погода еще теплая, теплый сезон может длиться до середины сентября, и иногда и до конца сентября, в августе выпадает наименьшее количество осадков за весь летний сезон, в среднем 35 мм, а уровень воды в реках минимален, что благоприятно для переправ, если в том возникнет необходимость.

Иными словами, война НАТО против России именно в августе имеет наиболее благоприятные климатические условия, когда нет холодов, сильных дождей, когда грунт сухой и прочный. К тому же, надо учитывать, что август – это обычный отпускной сезон, когда значительная часть населения разъезжается по курортам и дачам, и проведение срочных и неотложных мер, вроде мобилизации резервистов, неизбежно будет значительно затруднено.

Глава третья

Трудности определения соотношения сил

Тем не менее, нужно признать, что подобное логическое конструирование вероятного плана войны НАТО против России очень далеко от идеала. Главная тому причина – крайний недостаток исходных данных.

Даже обладая опытом уже состоявшихся войн, которые показывают наиболее вероятный образ действия войск НАТО, тем не менее, весьма трудно сделать точный анализ в наиболее существенном моменте: численность, состав и структура противостоящих войск. Все эти сведения, конечно же, секретны, и в открытой печати даются в крайне отрывочном виде, не позволяющем в полной мере оценить боевые возможности войск, как той, так и другой стороны.

Тут нет ничего удивительного. Изучение открытых материалов является излюбленным занятием любой военной разведки, которая с карандашом читает все, что публикуется об армии и военном строительстве вероятного противника. Потому хорошо заметно, что публикации составляются таким образом, чтобы из них нельзя было ни прямым, ни косвенным расчетным образом получить сколько-нибудь точные сведения о численности, вооружении и дислокации частей и соединений. Например, при подготовке описанного в первой главе гипотетического плана НАТО, никакими способами не получалось найти хотя бы приблизительной численности и состава вооружений даже основных соединений. С войсками НАТО получше, в журнале «Зарубежное военное обозрение» есть публикации, в которых достаточно хорошо описывается примерная структура американских механизированных соединений, хотя и со значительным разбросом цифр. Про российскую же армию и ее соединения можно найти все, что угодно, включая славную боевую историю частей и количество Героев России в их рядах, но только не численность и состав вооружения, не говоря уже о дислокации. Про развертывание в случае войны вообще можно и не вспоминать. Что же, военная контрразведка не дремлет. Потому приходилось пользоваться общими данными, достоверность которых внушает крепкие сомнения, но лучшего варианта в распоряжении просто нет. Так что ко всем указанным цифрам надо относиться с известной скидкой на их грубость и приблизительность. Впрочем, для логических построений это не особо сильная помеха, хотя бы потому что даже очень общие и грубые оценки задают некоторые граничные рамки.

Далее, как войска НАТО, так и войска России в последние годы проходили через длинную череду реорганизаций, сокращений, формирований и расформирований, перевооружений и списаний. В ходе этого бурного процесса облик частей и соединений менялся до неузнаваемости. К примеру, Россия перешла от традиционной четырехзвенной системы управления к трехзвенной, с резким сокращением численности армии, имеющиеся бригады российской армии сформированы по шести разным штатам, численностью от 2200 до 4500 человек. Процесс реорганизации продолжается, и к 2020 году планируется сформировать 125 бригад без увеличения численности армии, что неизбежно вызовет многочисленные изменения в структуре армии. К тому же, в российской армии снова вернулись к формированию крупных соединений и некоторые из них уже сформированы. Это также влечет за собой изменения структуры армии и ее боевых возможностей.

В армиях НАТО положение такое же, и после многочисленных сокращений и реорганизаций структура армий резко изменилась по сравнению с тем, что было по состоянию на 1990 год. К примеру, в армии США оказались фактически ликвидированными армейские корпуса, которые в 1990 году были очень мощными соединениями (так, армейский корпус США тогда имел 130 тысяч человек личного состава, 1464 танка «Абрамс», 1134 БМП «Брэдли», 256 ударных вертолетов, 27 тысяч автомобилей, другое вооружение и технику). В Европе

были размещены 5-й и 7-й армейские корпуса. Теперь во всей американской армии остались только три корпуса: 1-й корпус в Корее, 3-й корпус в Ираке и 18-й воздушно-десантный корпус в США. Два первых из них не имеют войск и развернуты только корпусные штабы.

Бундесвер претерпел за последние годы такие реорганизации и сокращения, которые несомненно заставили бы выдающихся немецких военачальников прошлого горько рыдать от разочарования. Личный состав Бундесвера сократился с 500 тысяч до 204 тысяч человек, а в 2011 году вынашивались планы сокращения до 185 и даже до 165 тысяч человек. Закрывались военные базы, сокращался парк боевой техники. В 1990 году германская армия имела 7 тысяч танков, 8,9 тысяч БМП и БТР, тысячу самолетов. Сейчас Бундесвер имеет 858 танков, 1581 БМП и БТР (по последним данным их осталось 586), 281 самолет, из которых 99 предполагается списать. Причем, по данным обследования технического состояния вооружений, проведенного комитетом по обороне Бундестага в 2014 году, выяснилось, что около половины наличной техники неисправно.

Можно только посочувствовать военному историку, который возьмется точно описать этот процесс реорганизации армий, который лучше было бы назвать великим разоружением. Ему потребуется исключительное трудолюбие и усидчивость, чтобы разобраться в этом лабиринте бюрократических решений.

Поскольку процесс реорганизации и явного разоружения и не думает останавливаться, то приходится признать, что сказать что-то определенное о численности, вооружении и структуре противостоящих армий в нашем гипотетическом плане войны очень и очень трудно. Потому, по существу, расстановка сил на карте ТВД в первой главе представляла собой мое произвольное решение, хотя и ориентировавшееся на доступные данные о состоянии войск НАТО и России.

Некоторую произвольность в расстановку сил на ТВД пришлось внести еще и по другой причине. Армии НАТО, так же, как и армия России, перешли к модульной системе формирования соединений, которая отличается от привычной организации Красной армии, хорошо известной по исторической литературе.

Привычная многим читателям структура армии была регулярной: фронт – армия – корпус – дивизия – полк – батальон – рота – взвод – отделение. Для каждой структурной единицы устанавливался свой штат, определявший численность солдат и офицеров, вооружения и боевой техники, автомобилей, лошадей, разнообразного вещевого имущества. Эта регулярность достаточно строго выдерживалась по крайней мере до дивизионного уровня, так что, зная штаты, можно было без особого труда сказать, сколько и чего имелось в той или иной дивизии, полку или батальоне. Исходя из этого, можно было сделать оценку боеспособности. Это хорошо было видно в длинной дискуссии по поводу начала Великой Отечественной войны. Если какая-то дивизия была укомплектована по штату, то ее боеспособность принималась полной, а если же она была недоукомплектована, то ее боеспособность была ограничена.

На уровне более крупных соединений даже в эпоху расцвета регулярной армейской структуры, все же наблюдалось влияние модульного принципа. Людям, интересующимся военной историей, прекрасно известно, что разные корпуса, армии и фронты имели разный состав. Например, в первом составе 1-го Белорусского фронта, образованного в феврале 1944 года было шесть общевойсковых армий и одна воздушная армия. В первом составе 1-го Украинского фронта, образованного в октябре 1943 года, было шесть общевойсковых армий, одна танковая гвардейская армия и одна воздушная. Потом, по ходу боев в состав фронтов включались и другие армии, если того требовала обстановка и выполнение поставленных перед фронтами боевых задач. Помимо крупных соединений фронту могли придаваться и другие части, самые разнообразные отдельные бригады, полки и батальоны, предназначенные для выполнения специальных задач.

Модульный принцип выгоден тем, что позволял в короткие сроки сформировать мощную и оснащенную всем необходимым для выполнения поставленной задачи группировку войск. Во время войны к модульному принципу построения иногда прибегали, чтобы свести в боеспособное соединение остатки других частей, утративших в ходе боев какое-либо соответствие своей изначальной штатной структуре, если не было возможности их доукомплектовать по положенному штату.

Современные армии стремятся перейти на модульный принцип полностью. Для этого вооруженные силы делятся на универсальные тактические единицы – бригады, обычно состоящие из 3–4 батальонов, комплектуемых по различным штатам, в зависимости от характера бригады. Выделяются бронетанковые, мотострелковые, воздушно-десантные, десантно-штурмовые, воздушные, разведывательные бригады, имеющие разную численность и разный состав вооружения и боевой техники. Из этих «кирпичиков» можно сложить любое крупное соединение, будь то дивизия, корпус или армия.

В российской армии, к примеру, в настоящий момент самым высоким уровнем организации войск является военный округ, которому подчиняются все дислоцированные на его территории войска всех родов, за исключением РВСН и ВКС. В мирное время это военно-административная структура, но в военное время она может быть быстро преобразована в объединенное стратегическое командование, в структуру, аналогичную фронту. В России в декабре 2014 года было создано такое Объединенное стратегическое командование «Север», объединившее Северный флот, 80-ю отдельную арктическую бригаду и 200-ю отдельную мотострелковую бригаду, другие части.

Силы военного округа обычно состоят из 2–3 армий (Восточный военный округ имеет пять армий), 2–3 десантно-штурмовых бригад, и еще ряда отдельных бригад ВДВ, морской пехоты, авиационных, разведывательных, специального назначения и других отдельных частей различного назначения. К примеру, силы Западного военного округа включают в себя три армии: 1-ю танковую, 6-ю и 20-ю общевойсковые (в них 16 бригад), 1-е командование ВВС и ПВО (ранее 6-я армия ВВС и ПВО), Балтийский флот, и 22 бригады, не входящие в состав крупных соединений округа. Таким образом, в составе соединений округа около 56 тысяч человек, а в бригадах, не входящих в состав соединений, то есть «россыпью», около 77 тысяч человек. В случае войны бригады «россыпью» могут быть приданы любой армии, смотря по поставленной задаче, что резко усилит их боевые возможности.

Непонимание этого принципа модульности организации войск привело к долгой и бесплодной дискуссии о «сердюковских реформах», когда делался вывод, что образование бригад якобы ослабляет российскую армию, что, мол, российская бригада слабее американской дивизии. Спорщики явно выпустили из внимания, что американская дивизия сама состоит из 4–5 бригад. Ничто не мешает из бригад сформировать дивизию, корпус, армию, то есть любое более крупное соединение. Формирование крупных соединений из бригад может быть проведено очень быстро.

Но это оказывает весьма существенное влияние на проведение логических экспериментов на тему вероятной войны. Трудно сказать, каким именно образом командование распорядится имеющимися у него бригадами, и как их соединит между собой. Даже если иметь точные сведения о количестве бригад, их составе и вооружении, все равно остается значительная неопределенность в части их конкретного боевого применения. Модульный принцип формирования соединений не только весьма удобен, но и препятствует разведке вероятного противника точно выяснить характер противостоящих крупных соединений. Даже если агенту получится добыть в штабе документы о планах формирования крупных соединений, это мало что дает. Такие планы могут быть внезапно изменены, что повлечет за собой резкое изменение оперативной обстановки. И в военное время также существует возможность принятия импровизированных решений, вроде того, что бригады могут быстро передаваться из

одного соединения в другое, перебрасываться в другие районы и появляться там, где их не ждут. Не стоит также забывать, что возможен маневр силами, дислоцированными в других военных округах.

Поскольку этот модульный принцип не позволяет предсказать, как именно войска будут использоваться в составе крупных соединений, то вот и приходится признать, что любые прогнозы на сей счет носят, по большому счету, произвольный характер.

Наконец, стоит сказать еще и о том, что в гипотетическом плане, изложенном в первой главе, имеется значительная доля произвольного допущения еще и по следующей причине. В нем упоминаются армейские корпуса США и НАТО, готовые к вторжению. Однако, в настоящий момент в составе войск НАТО таких соединений нет. Как уже говорилось, США свои армейские корпуса или расформировали, как 5-й корпус, который дислоцировался в Европе и принимал участие в войне в Ираке в 1991 году, или держат развернутыми только корпусные штабы.

В странах НАТО также нет развернутых армейских корпусов. В Европе принят порядок, что в мирное время войска членов альянса подчиняются национальному командованию, и передаются на наднациональный уровень командования только на время войны, проведения учений или каких-то чрезвычайных обстоятельств. Армейские корпуса – это как раз уровень наднационального командования.

Насколько известно, в европейских странах НАТО существует только один армейский корпус, имеющий штаб и боевые силы. Это «Еврокорпус» НАТО, штаб которого находится в Страсбурге, Франция. Он был сформирован в 1993 году на основе межгосударственного соглашения между Францией и Германией, к которому потом присоединилось еще несколько стран. В развернутом виде он должен включать 60 тысяч человек, 800 танков, 1000 БМП и БТР, 35 САУ и орудий. Но сейчас штаб корпуса имеет в своем подчинении франко-германскую мотопехотную бригаду (штаб в Мюльхайме, Германия), примерно 5,5 тысяч человек.

Остальные армейские корпуса НАТО: Объединенный армейский корпус быстрого реагирования НАТО (Великобритания), германо-голландский корпус (может быть ликвидирован), испанский, итальянский, французский, турецкий, греческий, объединенный германо-датско-польский корпуса, имеют только штабные структуры. Хотя они и именуются как национальные, тем не менее каждый такой корпус создается из самых разных частей, предоставленных в их распоряжение разными странами. Крупные армии передают дивизии или бригады (что заранее планируется), армии поменьше – батальоны, роты и даже взводы. Национальный состав каждого такого армейского корпуса получается очень пестрым. К примеру, Объединенный корпус быстрого реагирования НАТО должен состоять из частей и подразделений, представленных 28 странами, а турецкий армейский корпус из частей и подразделений 11 стран НАТО. На их развертывание требуется довольно много времени, по штабным нормативам до 20 суток, хотя, в печати встречаются и другие оценки сроков развертывания – 90 суток. Последнее на мой взгляд, более реалистичное время, потребное, чтобы эти армейские корпуса действительно приобрели готовность к боевым действиям.

Наличные силы, которые НАТО готово бросить в бой в более быстрые сроки, очень невелики: 18 «мини-бригад», 14 из которых имеют численность в 1,5 тысячи человек, а четыре – по 2,5 тысячи человек. Всего 31 тысяча человек, вместе с «Еврокорпусом» – 36,5 тысяч человек. «Мини-бригады» по своим боевым возможностям соответствуют батальонным тактическим группам, и командование НАТО может быстро задействовать не менее двух таких «мини-бригад».

Большие сроки развертывания соединений, а в НАТО силы быстрого развертывания должны быть готовы в течение 90 суток после получения приказа, приводят к постоянному обсуждению вопроса о создании неких сил «очень высокой готовности», способных дей-

ствовать немедленно и вести боевые действия в течение от 3 до 10 суток, численностью до 30 тысяч человек. Но, насколько можно судить, эти планы постоянно разбиваются о стремление европейских стран НАТО всеми доступными методами экономить на содержании армий.

Есть еще определенные противоречия между членами НАТО, часть из которых не особо горит желанием передавать свои бригады в наднациональные армейские корпуса. Так что существует вероятность, что некоторые армейские корпуса могут быть сформированы далеко не в полном составе, а существование германо-голландского армейского корпуса и вовсе под вопросом из-за нежелания Голландии участвовать в его формировании.

На карте можно поставить флажок и написать рядом «такой-то армейский корпус», только трудно сказать, какой будет его реальная численность, состав вооружения и боевой техники, не говоря уже о степени его реальной боеспособности. А это вопрос немаловажный, поскольку большая часть армий европейских стран НАТО не имеет реального боевого опыта, поскольку их части и подразделения участвовали в совместных миссиях в качестве обслуживающих или вспомогательных частей.

По вышеописанным причинам определение сил противостоящих сторон в гипотетической войне, что считается исходным пунктом любого военного анализа, оказывается на деле очень затруднительно. Разброс возможных цифр весьма велик.

Часто можно встретить точку зрения, что, мол, у НАТО общая численность армий 1,5 млн. человек, а у России только 770 тысяч человек, потому Россия неизбежно потерпит поражение. С этой точкой зрения нельзя согласиться совершенно. Опыт анализа начала Великой Отечественной войны наглядно показывает, что на ход боевых действий оказывает влияние не только и не сколько общая численность войск, сколько численность войск, реально присутствующих на конкретном ТВД и готовых вступить в бой. Исход конкретного сражения решит соотношение сил в этой районе, с учетом пополнений, которые можно перебросить в район боев в сколько-нибудь короткие сроки. Вот сколько сил НАТО выделит для войны против России на деле – вопрос остро дискуссионный.

США не могут бросить в бой все имеющиеся у них войска, хотя бы потому, что перед американским командованием стоят задачи военного присутствия еще в ряде регионов мира, в особенности на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Азии (в Корее и Японии). Если взять все войска в этих регионах и перебросить их в Европу, то американские союзники могут потерпеть поражение. К примеру, вывод американских войск из Кореи и задействование их в другом регионе определенно дает преимущество КНДР, которая может решиться на удар по Южной Корее, особенно теперь, получив явное превосходство над южнокорейской армией в ракетном вооружении. Южнокорейская армия без американской поддержки практически обречена на поражение в войне против северокорейской армии. Аналогичное положение у Франции, чьи силы задействованы в Западной Африке, и у Турции, чьи силы сейчас ориентированы на ситуацию в Сирии и в северном Ираке, а также ведут бои против курдских повстанцев на юго-востоке Турции. Трудно оценить возможности Бундесвера после сокращений и с наполовину неисправным парком боевой техники. Есть еще и политический момент – далеко не все страны НАТО готовы воевать с Россией, страной весьма сильной в военном отношении и способной дать сдачи. Думается, что, если НАТО, после всех усилий в части «покрестить по сусекам», наберет полумиллионную группировку, готовую к боевым действиям против России, это будет выдающимся достижением. На мой взгляд, более реалистично, что НАТО вряд ли соберет больше 250–300 тысяч человек. Боевой состав Российской армии, который обычно составляет около 50 % от списочной численности войск, составляет около 350 тысяч человек, и есть возможность нарастить его за счет войск союзников по ОДКБ (примерно 25 тысяч белорусских, 10–15 тысяч казахстанских и 5–8 тысяч таджикских войск) примерно до 398 тысяч человек, не считая внутренних войск, резерви-

стов и общей мобилизации. Соотношение сил НАТО и России с союзниками можно принять таким: 1:1,3.

Глава четвертая

Кровавая схватка за господство в воздухе

Планом война не ограничивается. Запланированные в нем действия еще предстоит воплотить в жизнь. В условиях противодействия противника. Было очень немного войн, в которых противник вообще не оказывал никакого сопротивления. Одним из примеров такой странной войны было вступление Красной Армии в Болгарию 7–9 сентября 1944 года. НАТО, конечно, не может на такое рассчитывать.

В интернете и в прессе иногда можно встретить публикации, в которых утверждается, что если армии НАТО нападут на Россию, то у российской армии нет никаких шансов отразить их вторжение. Мол, российские войска будут разбиты с такой же легкостью, как иракская армия. В «аналитике» такого рода живописуется некий план наступления НАТО, а потом сразу внимание перескакивает к поражению российских войск и вытекающим отсюда политическим последствиям. Легким движением руки из анализа возможной войны вычеркиваются действия одной из сторон, принимаемой по умолчанию ни к чему не способной. Разумеется, что с таким взглядом никак нельзя согласиться. Российская армия что-то да предпримет, а уж окажутся ли действия результативными, это другой вопрос.

Что российская армия может предпринять против наступающих войск НАТО? Если посмотреть, то довольно многое.

Первым делом разведка. Бесспорно, что разведка сил, планов и действий войск НАТО не начнется с началом боевых действий, и будет вестись задолго до этого момента. Вообще, военная разведка ведется постоянно и в мирное время, любое сколько-нибудь серьезное передвижение или передислокация войск вероятного противника отслеживается и оценивается.

Это фактор, который может сам по себе сорвать замыслы командования НАТО. В предыдущей главе мы уделили некоторое внимание вопросам развертывания крупных соединений НАТО, из чего понятно, что для того, чтобы сколотить войсковую группировку, способную начать боевые действия против российской армии, потребуется немало времени, по разным оценкам от 20 до 90 суток. Этого времени более чем достаточно, чтобы разведать развертывание армейских корпусов НАТО, которая неизбежно будет связана с усилением активности штабов, передислокацией войск, проведением учений.

Причем эти приготовления к войне нельзя будет сохранить в полной тайне. При нынешнем изобилии смартфонов и планшетов, при нынешнем развитии социальных сетей обязательно появится довольно много сообщений с фотографиями о том, что через такой-то населенный пункт проходила колонна бронетехники, военные грузовики или вдруг появилось множество солдат, чего раньше не было. Потом, политическое руководство стран НАТО должно будет подготовить общество к скорой войне с Россией, в силу чего на полную мощность будет запущен пропагандистский аппарат, который должен будет срочно изобразить Россию в виде злостного нарушителя мирового порядка. Это будет не дежурный «обмен любезностями», а именно что массированная и подавляющая пропагандистская кампания, переходящая в психологические операции. Так что усиление работы штабов в странах НАТО, передвижение войск и техники в сочетании с резко усилившимся пропагандистским нажимом достаточно явно покажут, что готовится война.

Далее, сформированные армейские корпуса и другие части и соединения перед самым началом войны надо перебросить в исходные районы, откуда они будут вести наступление. В первой главе указано, что двумя районами, где будет развернуто наибольшее количество войск, будут Прибалтика и Украина. Соответственно, в дни, предшествующие началу военной операции в эти страны пойдет просто поток войск, военных грузов, боевой техники,

будет переброшена авиация на аэродромы оперативного базирования. Уже это само по себе более чем заметно для военной разведки. Но кроме этого, переброска войск вызовет резкое усиление судоходства в Балтийском и Черном морях, поскольку значительная часть войск и грузов будет перебрасываться морем, особенно это касается американских и британских частей. В эти же моря должны будут прийти многочисленные военные корабли, а в Северной Атлантике должны будут появиться американские авианосцы со своим многочисленным эскортом.

Весь этот поток самолетов и судов должен будет пройти мимо двух крупных российских военно-морских баз: Калининградской и Севастопольской. Порты разгрузки для траншпортов НАТО расположены очень близко от них. В Прибалтике это Клайпеда, Рига, Вентспилс, Таллинн. На Черном море это Одесса и Николаев. Балтийский и Черноморский флоты, конечно, имеют мощные разведывательные службы, а также могут высылать для патрулирования акваторий военные корабли и самолеты. Для Северного флота Атлантика – это традиционная акватория для ведения разведки и дозора.

Так что переброска сотен тысяч человек, сотен танков, самолетов, орудий, сотен тысяч тонн грузов в исходные районы, конечно, будет замечена российской военной разведкой. Поскольку на переброску всего этого воинства потребуется затратить несколько суток, данные о сосредоточении противника для войны будут получены заблаговременно. Полной внезапности не будет. Времени, чтобы привести войска в полную боевую готовность, перебросить дополнительные силы поближе к угрожаемым районам, будет достаточно.

В Военной доктрине Российской Федерации развертывание или наращивание воинских контингентов на территории сопредельных стран или в прилегающих акваториях уже само по себе является военной опасностью, а активизация деятельности вооруженных сил, проведение полной или частичной мобилизации, перевод государственных и военных органов управления на режим военного времени считается военной угрозой. На эти меры впоследствии ответ, в том числе могут быть реализованы сдерживающие меры силового характера, предусматривающие в частности применение высокоточного оружия. Так что еще до того, как группировка войск НАТО будет полностью развернута в Прибалтике и на Украине, она может подвергнуться превентивному сдерживающему удару высокоточным оружием. У Ирака такого оружия не было, потому что иракская армия ничем не могла помешать развертыванию войск НАТО у своих границ.

Возможность нанесения такого сдерживающего удара показал удар Каспийской флотилии 7 октября 2015 года по объектам ИГИЛ в Сирии. Корабли флотилии выпустили 26 ракет по 11 целям на расстояние 1500 км. Этот залп произвел фурор и шок, поскольку до этого считалось, что российские крылатые ракеты способны бить только на расстояние 300 км. Ракеты 3М14, использованные для поражения боевиков в Сирии, входят в состав вооружения подводных лодок, надводных кораблей, мобильного ракетного комплекса наземного базирования и ракетного комплекса авиационного базирования, более известного под названием «Калибр».

Кроме Каспийской флотилии, чьи крылатые ракеты могут достать исходный район наступления сил НАТО на севере Украины, порт Одесса, а также достигают целей в центральной и восточной частях Турции, фрегат, вооруженный ракетами 3М14 в марте 2016 года был введен в состав Черноморского флота. Радиус поражения покрывает все Черное и все Эгейское море. Такие же ракеты есть на вооружении Северного флота и подводная лодка СФ «Ростов-на-Дону» также производила пуск ракет по целям в Сирии из акватории Средиземного моря. Вероятно, что такие же ракеты есть или поступают на вооружение Балтийского флота. Кроме «Калибра» у Балтийского флота есть сверхзвуковые крылатые ракеты «Москит» радиусом действия 100 и 120 км. Их несет флагман Балтийского флота эсминец «Настойчивый».

Есть сведения о новой крылатой ракете Х-101, способной поразить цели на расстоянии 5–7 тысяч км. У нее авиационное базирование на стратегических бомбардировщиках Ту-95МС, Ту-160 и Ту-22М5. Но в бою она пока не применялась.

Таким образом, России есть чем нанести сдерживающий удар высокоточным оружием. В качестве цели для демонстрации силы может быть выбран, скажем, аэродром Эмари вблизи от Таллинна, который недавно был реконструирован и может быть использован как аэродром оперативного базирования ВВС США и Великобритании. Развернутое на нем авиакрыло может быть накрыто крылатыми ракетами. После этой демонстрации силы Россия может предложить переговоры.

Но мы все же рассматриваем вариант масштабного столкновения, когда НАТО не желает сворачивать с тропы войны и намерено добиться своего. В этом случае весьма вероятно то, что первая фаза войны – воздушное наступление и применение высокоточного оружия может и не получиться запланированным избиением противника. Вероятнее всего, эта фаза войны будет связана со встречными ударами высокоточным оружием и авиацией.

В этом деле для НАТО есть ряд неприятных моментов. Во-первых, Калининградский особый район (КОР), который находится в оперативном тылу группировки войск НАТО в Прибалтике. Силы, размещенные в КОР, представляют собой непосредственную угрозу морским, сухопутным перевозкам сил НАТО, аэродромам и районам сосредоточения. Там находится РЛС системы раннего предупреждения о ракетном нападении, мобильные комплексы «Искандер» (по крайней мере одна ракетная бригада, до 18 пусковых установок; радиус действия накрывает Латвию, Литву, почти всю Польшу, восточные районы Германии и юг Швеции), силы флота и авиации.

Во-вторых, ВВС Беларуси расположены как раз между «западной» и «южной» группировками НАТО и могут нанести их высокоточному и авиационному компоненту очень серьезный урон. В составе ВВС Беларуси есть 12 МиГ-29БМ, белорусской модернизации, которые имеют систему дозаправки в воздухе, могут нести ракеты «воздух-земля» и противокорабельные ракеты. Помимо этого, на авиабазе Барановичи размещены 1 Су-27СМЗ ВВС России.

В-третьих, авиационные и ракетные силы Западного военного округа, ВКС России обладают возможностью, которой почти лишены силы НАТО в Прибалтике и на Украине. Это возможность рассредоточения, маневра силами и возможность нанесения ракетного удара из глубины, за пределами радиуса средств обнаружения, в особенности, при использовании мобильных ракетных комплексов наземного базирования.

Таким образом, «западная» группировка НАТО в Прибалтике изначально имеет крайне невыгодное расположение и может подвергнуться авиационным и ракетным ударам с трех сторон: из КОР, из Беларуси и из западных районов России. «Южная» группировка на Украине имеет положение лучше, но тоже весьма уязвимое: она может быть атакована авиацией с одной стороны, и подвергнуться ракетным ударам с трех сторон: с Черного и Каспийского морей, и из юго-западных районов России.

Что касается российских и белорусских войск, то крайне уязвимое положение у КОР, который окружен со всех сторон странами НАТО, весьма уязвимое положение у Беларуси, а также у Крыма. В остальном же, значительная часть российских ракетных и авиационных сил находится вне зоны поражения высокоточным оружием и может рассредоточиться, так что уничтожить ее в ходе ракетного удара и воздушного наступления будет весьма проблематично. Стратегическая авиация России, базирующаяся в Энгельсе и в Иркутске, которая скорее всего примет самое активное участие в нанесении удара высокоточным оружием (по примеру участия в войне в Грузии в 2008 году), также находится вне досягаемости высокоточного оружия НАТО.

Итак, чем Россия с союзниками ответит в первой фазе войны воздушным силам НАТО? Скорее всего, пользуясь особенностями ТВД, в изобилии покрытого лесами, где легко спрятать мобильные ракетные комплексы, имея больше аэродромов и посадочных площадок для рассредоточения авиации, а также флоты, оснащенные высокоточным оружием, будет сделано следующее. Перед началом военной операции в Беларусь и в западные и юго-западные районы России будет переброшено побольше ракетных комплексов малой и средней дальности, зенитно-ракетных комплексов, фронтовая бомбардировочная и истребительная авиация. Под прикрытием массированного применения средств РЭБ, они нанесут превентивный или встречный удар всеми силами с целью разгрома основных авиационных сил НАТО на ТВД. Приоритет: аэродромы, боевые корабли, наземные пусковые установки, а то, что останется, будет работать по наземным войскам. Одновременно выполняется ракетный залп флотов. Работу доделают удары высокоточным оружием со стратегических бомбардировщиков.

Какое может быть соотношение сил в воздушном сражении? Формально, у НАТО много самолетов: 1530 истребителей и истребителей-бомбардировщиков у США и 1670 у европейских стран НАТО. Однако, численность авиации на ТВД явно будет лимитироваться наличием оборудованных авиабаз в странах Прибалтики, в странах Восточной Европы и Скандинавии. Сейчас НАТО имеет в этом регионе 18 эскадрилий, около 330 самолетов, а с учетом расширения авиабаз, использования авиабаз на Украине и переброски дополнительных сил на существующие авиабазы авиационная группировка НАТО наземного базирования может достигнуть 600 самолетов, а морского базирования – 200 самолетов, как и указано в первом плане при изложении плана. Против них Западный военный округ имеет 200 истребителей, 90 истребителей-бомбардировщиков Су-34 и Су-24, и еще 37 истребителей есть в ВВС Беларуси. Итого 327 самолетов. С учетом переброски авиации из других округов группировка может быть доведена до 350–360 самолетов. Итого соотношение воздушных сил России и НАТО может быть принято как 1:2,2. Однако, надо учитывать, что довольно мощное российское ПВО ощутимо снижает воздушное превосходство НАТО.

Это будет грандиозное воздушное сражение с участием сотен самолетов с обеих сторон, десятков кораблей, десятков ракетных пусковых установок и ЗРК, ожесточенное и кровопролитное. Результаты этого сражения во многом будут зависеть от характера удара. Превентивный российский удар по не до конца развернутой авиационной группировке НАТО может иметь сокрушающий характер, и привести к потерям порядка 70–80 % самолетов, что, в общем, сделает авиацию НАТО небоеспособной и поставит всю военную операцию под вопрос. Одновременно серьезный ущерб понесут и наземные войска НАТО, особенно авиационный компонент наземных сил. В общем, превентивный удар ВКС России и союзников с высокой вероятностью ведет к поражению авиации НАТО, после чего наземная фаза войны просто не начнется.

Встречный удар будет иметь несколько другие результаты, и в этом случае, вероятнее всего, обе стороны понесут высокие потери порядка 50–60 % самолетов, а если авиация России и Беларуси не успеет достаточно рассредоточиться, то она может понести потери порядка 60–70 % самолетов, но и в этом случае сумеет уничтожить 30–40 % авиации своего противника. Только в этом случае наземные силы НАТО могут начать вторую фазу войны.

Чтобы захватить господство в воздухе хотя бы над частью ТВД, пилотам авиации НАТО придется изрядно потрудиться и принести кровавые жертвы на алтарь борьбы за демократию. Многие из них будут гореть на земле. В отличие от начала Великой Отечественной войны, когда немецкая авиация действительно имела более высокий технический уровень, чем советская, теперь технический уровень авиации НАТО и России в целом стоит на одном уровне. Российские истребители Су-27 и МиГ-29 могут уверенно противостоять F-16 разных модификаций и его европейских аналогов, составляющих основу парка истре-

бительной авиации НАТО. Некоторое преимущество отдельных типов машин нивелируется в условиях массовой схватки в воздухе, в сочетании с ударами крылатыми ракетами по аэродромам и столь же массовым использованием ЗРК ПВО.

В отличие от войны в Ираке, уже первая фаза войны – высокоточные удары и воздушное наступление, перестает быть легкой прогулкой и веселым военным приключением. В первые же сутки войны потери обеих сторон будут исчисляться десятками самолетов и вертолетов, сотнями танков и бронемашин, сотнями человек личного состава, могут быть потоплены несколько крупных надводных кораблей.

Глава пятая

Варианты наземного наступления

Наступление наземных войск НАТО не может начаться без предварительного завоевания господства в воздухе и обеспечения авиационной поддержки. На это нужно время, примерно 2–3 суток, прежде чем авиация НАТО сможет достичь сколько-нибудь ощутимого успеха в воздушном наступлении. Без этого успеха наземные силы НАТО не пойдут в наступление, дабы не превратиться в легкие мишени для российских штурмовиков. Хотя, стоит отметить, что наземные боевые действия сравнительно небольшими силами, например, отрядами спецназа или батальонными тактическими группами, вполне возможны и в первые сутки войны.

Это, между прочим, очень существенный фактор, который дает определенное преимущество российским войскам, которые за время воздушного сражения могут привести себя в боевую готовность, перегруппироваться и встретить противника на более выгодных позициях. Авиация НАТО, будучи занятой сражением за господство в воздухе и подавлением ПВО, не будет в состоянии сколько-нибудь существенно этому помешать.

Здесь надо вспомнить многочисленные внезапные проверки боевой готовности, которые в последние несколько лет, по крайней мере, с 2014 года, проводились в разных военных округах. Открытой информации о них немного, но судя по тому, что было опубликовано о них, это были крупномасштабные учения, в которых отрабатывалось важнейшее для начала войны дело: подъем по боевой тревоге, переброска войск на значительные расстояния и вступление с марша в бой на незнакомой местности, с применением всего наличного вооружения и при взаимодействии всех родов войск.

К примеру, внезапная проверка боевой готовности Западного и Центрального военных округов, начатая 26 февраля 2014 года, включала в себя действия 150 тысяч человек, 90 самолетов, 120 вертолетов, 800 танков и 1200 единиц бронетехники, 80 кораблей и судов. За сутки войска были выведены из мест постоянной дислокации и переброшены на шесть общевойсковых полигонов. Отрабатывалась, помимо всего прочего, переброска бронетехники по железной дороге, переброска авиации с дозаправкой в воздухе, высадка тактических десантов, включая отработку задачи по захвату заполярного аэродрома и переброске на него подкрепления посадочным способом. 3 марта 2014 года проверка закончилась и войска вернулись в места постоянной дислокации.

В последующем было проведено еще несколько подобных внезапных проверок боевой готовности в разных военных округах. Все они включали выполнение самых разнообразных задач. К примеру, Восточный военный округ в сентябре 2014 года проводит такую проверку, в которой было задействовано около 100 тысяч человек, более 100 самолетов, силы Тихоокеанского флота. Особенно масштабными были учения флота и авиации. Флот выводил свои корабли и подводные лодки в акватории Японского и Охотского моря, а авиация перебазировала самолеты на запасные и оперативные аэродромы по всему Дальнему Востоку. Есть упоминания о переброске бронетанковых бригад на большие расстояния, отработке призыва резервистов, работы государственных органов в условиях мобилизации.

Направленность этих учений совершенно очевидна. Это отработка вывода войск из мест дислокации в исходные районы для ведения боевых действий, как можно более быстро и как можно более скрытно. Эти учения позволяют довольно уверенно сказать, что в случае начала войны с НАТО, в течение суток или двух, из сил Западного, Центрального и Южного округов будут созданы весьма мощные группировки для отражения наступления наземных войск НАТО, а Восточный военный округ будет приведен в боевую готовность для отражения нападения, а также для переброски подкреплений на запад.

И уже здесь видно, что российская армия имеет значительное преимущество перед армиями НАТО по темпам реагирования. Внезапные проверки боеготовности показывают, что практически весь боевой состав российской армии может быть поднят по тревоге и перебросен в исходные районы для ведения боевых действий всего за пару суток. Одновременно может быть начат призыв резервистов и даже частичная мобилизация с целью развертывания дополнительных частей для пополнения резерва. Столь быстрая переброска войск вряд ли будет вскрыта разведкой НАТО в полном объеме, что может привести к разным неожиданностям для командования НАТО в момент перехода к наземной операции. Например, неожиданный наступательный удар российских войск, внезапно оказавшихся там, где их не ждут.

Разумеется, такие масштабные учения проводятся для отработки действий в условиях войны, очевидно, по некоему плану, разработанному в Генеральном штабе РФ, в котором учтены наиболее вероятные наступательные действия противника, разработаны меры по парированию этих ударов, разгрому наступающих группировок и переходу в контрнаступление. Но эти планы, естественно, являются строго секретными, и мы можем лишь догадываться об их содержании. Однако, на основе того, что известно о российской армии и ее тактике, и на опыте Второй мировой войны, можно в общих чертах набросать то, каким может быть этот план отражения вторжения войск НАТО.

Здесь нужно сказать пару слов о наиболее существенных отличиях оперативно-тактического искусства российской армии от армий НАТО. Во-первых, что даже внесено в Военную доктрину России, цель ведения боевых действий состоит в разгроме вооруженных сил противника. Оборона территории, городов и даже важных транспортных узлов есть задача второстепенная, подчиненная выполнению этой главной задачи. Такой образ действий, как известно по опыту предыдущих войн, подразумевает напористый, наступательный стиль боев, стремление к захвату инициативы, нарушению и расчленению боевых порядков и тыловых коммуникаций противника.

Армии НАТО, и в особенности армия США, в целом ориентированы на захват политических центров и установление военного контроля над территорией. Все проведенные ими войны исходили из стремления как можно быстрее свалить политическую власть, что должно было привести к распаду армии. Это немаловажное обстоятельство, делающее действия войск НАТО весьма хорошо предсказуемыми еще до того, как они начинают войну.

Во-вторых, российская армия, во многом под влиянием опыта Великой Отечественной войны, большое внимание уделяет активной обороне с целью замедления продвижения противника и нанесения ему потерь. Хорошо подготовленная оборона, особенно в сочетании с маневром огнем, позволяет действовать даже против численно превосходящего противника.

Армии НАТО, как показал опыт войны в Ираке и в Афганистане, обороной владеют очень плохо, почти не уделяют внимания оборудованию оборонительных позиций, и от поражений их спасала только нехватка у иракских и афганских боевиков артиллерии, минометов и реактивных снарядов. Многочисленные видеоролики боев американских подразделений в Афганистане и Ираке показывают, что для них довольно типично выбрать позицию за каким-нибудь дувалом, без укрытий, окопов, с плохим обзором и секторами огня, которая по российским меркам совершенно не годится для обороны, особенно если противник попытается ее охватить.

В-третьих, российская армия умеет вести арьергардные бои, то есть прикрывать огнем свой отход на другие позиции, а также вести бои в окружении. Это обстоятельство, так же под влиянием опыта Великой Отечественной войны, российских солдат не смущает. Хотя, многими военными экспертами обучение войск этим разновидностям боя признается недостаточным.

В американской армии этот навык отсутствует, и, если сражение пошло не по плану, противник насеждает и обтекает с флагов и тыла, американцы все внимание бросают на эвакуацию, то есть, по сути дела, на бегство. Наиболее известный эпизод такого рода – это бои в Могадишо 3 октября 1993 года, когда плохо вооруженные и организованные боевики Фаруха Айдида окружили в городе отряд спецназа «Дельта» и навязали ему уличные бои. Вытащить спецназовцев из уличного боя удалось только с помощью бронетехники. После этого американцы побаивались боевиков, и вывод американских «голубых касок» из Сомали прикрывала целая армия: 1800 американских и 500 итальянских морпехов, на кораблях в прибрежных водах находилось еще 10 тысяч человек, а с воздуха операцию прикрывала авиация.

В-четвертых, российские воздушно-десантные и десантно-штурмовые бригады представляют собой весьма грозную силу, имеющую собственную бронетехнику, в том числе десантируемую парашютным способом, ударные вертолеты (Ми-24, составляющий основу российского парка ударных вертолетов, имеет не только мощное вооружение, но и может десантировать до 8 десантников). Им могут придаваться танковые и мотострелковые части. Они могут, к примеру, захватить и удержать аэродром, обеспечив переброску на него десанта посадочным способом, а могут захватить важную позицию в тылу противника, чтобы нанести ему удар с тыла или воспрепятствовать отходу. Эта тактика, еще в Афганистане получившая название «молот и наковальня», в которой десантно-штурмовые и мотострелковые части действуют совместно на окружение и уничтожение противника, показала свою высокую эффективность даже в сложных горных условиях.

Американские же аэромобильные подразделения представляют собой легкую пехоту, вооруженную стрелковым оружием, не имеющую тяжелого вооружения и бронетехники, годящуюся только для захвата необороняемых позиций и действий против слабого противника, главным образом, на эффекте внезапности.

Итак, противоборствующие армии явно будут решать принципиально разные задачи. Армии НАТО будет стараться захватить Москву, а в обеспечение выполнения этой задачи будут стараться захватить важные транспортные объекты, нужные для переброски и снабжения войск, в особенности крупные аэродромы. Российская же армия будет стараться разгромить вражеские войска везде, где для этого складываются выгодные условия.

Образ наступательной операции армий НАТО изложен в первой главе. А какие действия могут предпринять российские войска для срыва этого наступления? География автомобильных дорог на ТВД показывает, что исходные районы будут располагаться по дуге Псков – Великие Луки – Смоленск – Брянск – Орел – Курск. Эта дуга перекрывает наиболее вероятные направления наступления войск НАТО. Войска разворачиваются не во фронт, а образуют достаточно крупные группировки по 3–4 бригады в каждой, часть сил которых выставляет заслоны на дорогах и оборонительные позиции в городах, а часть готовится к наступательным действиям. За ними десантно-штурмовые бригады, которые должны будут действовать в ближнем оперативном тылу противника. Это первый эшелон войск. Второй эшелон размещается по дуге Тверь – Ржев – Калуга – Тула, с основной задачей обороны подступов к Москве и разгрому прорвавшихся через первый эшелон сил противника. Здесь находятся основные ударные силы 1-й танковой армии, и эта московская группировка усиливается соединениями из других округов.

Собственно, общий план отражения вторжения войск НАТО состоит из двух основных фаз. Задача первой фазы заключается в том, чтобы разгромить или максимально ослабить наступающие группировки войск НАТО: «западную» на направлении Рига – Москва, и «южную» на направлении Киев – Москва.

Если воздушная схватка приведет к разгрому авиации противника и к серьезным потерям наземных войск, то первый эшелон российских войск должен перейти в наступление и разгромить войска НАТО в приграничных районах стран Прибалтики и Украины. В этот

момент боевые действия переходят во вторую фазу наступления по территории противника. 1-я танковая армия перебрасывается к границам Латвии и дальше она должна сокрушить войска НАТО в Прибалтике, деблокировать Калининградский особый район и выйти в северную часть Польши. Одновременно 6-я армия атакует в направлении Талинна, а 2-я, 20-я и 49-я армия переходят в наступление на правобережье Днепра в направлении Киева, Харькова и Днепропетровска и Мелитополя.

Если война пойдет таким образом, то это будет означать полный провал всего замысла командования НАТО по сокрушению России, и, скорее всего, после этого начнутся переговоры о мире.

Если же в первой фазе такого успеха не будет, что тоже вполне вероятно, то первый эшелон российских войск должен отступать к Москве, сдерживая продвижение противника и нанося ему потери. В этом случае решающие сражения развернутся на подступах к Москве, в которых будут задействованы главные силы московской группировки. Армии, стоящие на флангах, 6-я армия из района Санкт-Петербурга, и 49-я армия в районе Ростова-Дону, а также 2-я или 20-я армия в районе Воронежа переходят в контрнаступление с целью создания угрозы на флангах прорыва войск НАТО вглубь России. Проводится частичная мобилизация для формирования новых частей и соединений.

Наземные силы КОР должны будут пробиваться через Сувалки на соединение с белорусской армией, а силы Балтийского флота в КОР пробиваться в Санкт-Петербург. Хотя, возможно, что в неблагоприятных условиях КОР и все силы, в нем находящиеся, будут потеряны. Однако, вопрос о роли Калининградского особого района при таком развитии войны – это вопрос дискуссионный. Трудно сказать, насколько велики оборонительные возможности этого района и насколько целесообразно оборонять его сколь-нибудь длительный срок. Это вполне возможно только в рамках успеха на первой фазе войны, когда готовится переход основных сил в контрнаступление и силам КОР нужно продержаться в осаде примерно 10–15 суток. В этом случае КОР может сковать довольно значительные силы НАТО и тем самым сильно облегчить переход основных сил российской армии в наступление. Но если этого сделать будет невозможно в короткие сроки, то КОР превратится в ловушку для войск и тогда целесообразнее осуществить прорыв из него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.